

Природа информационного обмена в постиндустриальной экономике

© 2007 С.А. Филимонов

Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева

В основе инновационного процесса лежит личностный уровень, на котором осуществляется общечеловеческая трансляция и продуцирование знаний, умений и навыков, а также формируются предпосылки “полноценных” инноваций в виде интуитивных догадок, намеков, не оформленных в достаточной степени идей и т.п.

В своей основе информационный обмен представляет собой кооперативную деятельность, конституирующим признаком которой является не взаимное отчуждение ее форм (деятельности) и результатов, но взаимообогащение творческого потенциала индивидов. Инноватор, носитель этой всеобщей коллективной связи, в которую изначально включена его деятельность как родового существа, выступает как кооперант. При такой постановке вопроса инновационная идея является не только исходным пунктом, но и результатом определенного социокультурного и экономического процесса. В этом смысле инновационная идея есть продукт взаимодействия кооперантов.

То, что инновации в действительности имеют информационно-коммуникативную природу, было известно со времен Н. Винера, который понимал их как продуцирование новой информации. Известно также, что информационный обмен как таковой, сопровождавший человечество на протяжении всей его истории, не предполагает взаимного отчуждения, не подчиняется принципу эквивалентности обмена и в отличие от товарного обмена ведет к сотрудничеству, а не к конкуренции. Этого достаточно, по крайней мере, для того, чтобы утверждать, что мы имеем дело с формой связи, принципиально отличной от товарно-стоимостной.

В литературе встречаются лишь отдельные попытки разработки интересной и важной проблемы информационного обмена. Вся сложность понимания данной формы обмена заключается в том, что деятельностные способности, в буквальном смысле слова, физически неотделимы от человека. Но вместе с тем они структурно организованы. Не вдаваясь в психологические нюансы этого вопроса, отметим только, что мы разделяем подход, согласно которому под творческими способностями человека понимается противоречивое единство глубоко индивидуальных свойств, определяющих степень освоения субъектом той или иной деятельности, с одной стороны, и общезначимых форм их

выражения и передачи - с другой. Эта другая сторона представлена, прежде всего, языковыми средствами общения между людьми. Будучи выраженными в языковых или невербальных формах (жестах, мимике), способности человека утрачивают свою индивидуальность, объективируются, но зато приобретают всеобщность и подвижность. В свою очередь, языковые формы, воспринимаемые и интерпретируемые человеком, утрачивают свою всеобщность, но трансформируются в индивидуальные свойства (творческие способности) личности и становятся производительной силой. В движении языковых форм реализуются, таким образом, два разнонаправленных “вектора” личности. Один обращен вовне (к другим), другой - вовнутрь (к себе).

Благодаря языку творческие способности работников (знания, умения, навыки) и приобретают объективированный (кодифицированный) способ существования в виде информации. Эти объективированные элементы образуют *подвижный* слой человеческих способностей. При этом “предмет” обмена не потребляется в обычном смысле этого слова, но и не копируется, не повторяется зеркально ни в одном из пунктов своего движения. Трудные приемы, методы деятельности всегда воспроизводятся перенимающим их работником как его собственные способности, с присущим ему индивидуальным своеобразием, что делает эти творческие элементы потенциально новым предметом обмена. При этом индивидуально-личностное начало сохраняется в них в “снятом виде”, а именно - в качестве *инновационных компонентов*, своеобразных информационных “добавлений”.

Сказанное позволяет выделить несколько наиболее существенных, на наш взгляд, особенностей данной формы обмена.

Во-первых, для него характерна *неотчуждаемость* “предмета” обмена как духовного продукта. Именно эта особенность находит свое выражение в имманентных коллективному производству отношениях *сотрудничества*. Понятие неотчуждаемости отражает личностную (но не единственную) форму существования творческих способностей

человека. Иногда неотчуждаемость, как фундаментальная характеристика информационного обмена, смешивается с понятием *объективации*. Между тем объективация подразумевает перевод индивидуальных свойств личности в общезначимую, *объективную* языковую форму выражения и трансляцию (но не отчуждения) творческих способностей индивида в виде информационных продуктов. Понятно, что смешение этих характеристик препятствует анализу информационного обмена как экономического отношения.

Во-вторых, субъектами обмена выступают не отдельные индивиды, но *“индивид - общность”*. Независимо от конкретного “адресата” в каждом отдельном случае работник продуцирует и транслирует информацию на весь коллектив, так как именно он (коллектив) и является создателем общественного продукта. В свою очередь, информация, которую получает каждый отдельный работник, всегда опосредствована практикой общественного взаимодействия и несет в себе потенциал коллективного творчества. Именно этот процесс умножения творческих способностей индивида и совокупного работника в целом в сочетании с constitutive тенденциями и лежит в основе так называемого синергетического эффекта кооперации.

В-третьих, следует учитывать *относительную самостоятельность* коллективного обмена, что выражается в пространственном и временном его несопадении с собственно производственным процессом. Движение информации в тех или иных формах (воспитание, обучение, усвоение и передача опыта, производство и распространение новых знаний и методов деятельности и т.п.) охватывает весь жизненный процесс индивида. Разумеется, на разных возрастных фазах жизнедеятельности индивида преобладают различные направления движения информации. Но в любом случае вне этих коммуникаций невозможно его включение в производственный процесс. Потенциально здесь заложена возможность отделения информационных процессов от материального производства.

Аналогичное понимание роли информационного обмена и индивидуальной интерпретации информации как источника возникновения нового демонстрирует английский исследователь Ш. Зубофф, высказывание которого приводится в статье Дж. Ходжсона: “Играющий столь важную роль в развитии интеллектуальных способностей процесс обработки информации требует, чтобы люди стали хозяевами самим себе... При отсутствии согласованности совместных действий индивид должен сам интерпретировать имеющуюся под рукой информацию и тем самым определять, что, по его мнению, является значимым в этой информации. Таким

образом, подлинная власть сосредоточена в процессе осмысления информации, а не в какой-либо должности или управленческой функции”.

И в прошлом, отмечает Дж. Ходжсон, внедрение машин в основном вело к повышению, а не к снижению уровня мастерства: машины и квалифицированные рабочие часто, скорее, дополняют, нежели заменяют друг друга. Освобождаясь от рутинных операций, люди начинают выполнять задачи, требующие интуиции и человеческого взаимодействия. “...При нарастании сложности производственного процесса... растет и опора на групповую деятельность, где *люди обучаются, имитируя действия друг друга, или иным путем*”. В целом разделяя позицию автора относительно роли машин в обогащении содержания труда работников, отметим только, что здесь имеет место упрощенное представление о том, что роль индивида сводится лишь к определению значимости тех или иных компонентов, уже содержащихся в информации. Перефразируя автора, можно сказать, что подлинная власть заключается в процессе переосмысления старой информации и создания новой. И потом, даже при наличии “согласованных действий” индивид “должен сам интерпретировать имеющуюся под рукой информацию”, если только он не робот.

Совместный трудовой процесс предполагает не только взаимную “имитацию действий”, но и взаимное изменение, индивидуальную интерпретацию методов и приемов деятельности. Другое дело, что далеко не всегда эта интерпретация приобретает готовую форму нового метода или нового умения, отрицающего существующую рутину. Однако именно из данного источника возникают элементы новых знаний, умений, навыков, методов и структур деятельности. Но для того чтобы выявить место и значение совместной деятельности в инновационном процессе, необходимо сам информационный обмен, как интерперсональное взаимодействие, представить не в жесткой связи с условиями совместного - например, бригадного - труда, а в широком контексте общечеловеческого информационного взаимодействия.

Действительно, вне такого взаимодействия вряд ли можно представить себе происхождение человеческой способности творить материальные и духовные продукты как предметы культуры, - предметы, в которых другие люди узнают свой собственный духовный и материальный мир. Иначе, как человеку удастся производить товары, т.е. продукты, обладающие потребительной стоимостью не для самого производителя, а для других людей?

В контексте анализа инновационного процесса эта особенность информационного обмена имеет огромное значение. В частности, она позволяет выявить базисный, фундаментальный уровень инновационного процесса, существование которого не только объясняет объективный характер самого инновационного процесса, но и проливает свет на принципиальные различия в степени инновационной активности на разных стадиях развития цивилизации.

В основе инновационного процесса лежит личностный уровень, на котором осуществляется общечеловеческая трансляция и продуцирование знаний, умений и навыков. Результат инновационного движения на этом уровне мы обозначаем как протоинновации. Речь идет о том, что на этом уровне формируются своеобразные предпосылки “полноценных” инноваций в виде интуитивных догадок, намеков, неоформленных в достаточной степени идей и т.п. Эти протоинновационные элементы возникают в процессе и результате индивидуально-личностной интерпретации циркулирующей в обществе информации, отражающей индивидуальные творческие способности других людей.

Обращают на себя внимание следующие особенности данного уровня инновационного процесса.

Во-первых, возникающие здесь инновационные элементы носят субъективный характер в том смысле, что они еще не проверены практикой общественно-производственного взаимодействия, а зачастую даже не приобрели еще кодифицированного способа существования, т.е. не оформлены в виде соответствующих знаково-символических структур (текстов, схем, программ, алгоритмов и т.п.) или продуктов. Но именно на этой почве “вырастают” полноценные инновационные проекты.

Во-вторых, процесс продуцирования протоинноваций носит в высшей степени вероятностный, стохастический характер. В этом смысле он не поддается какому бы то ни было планированию или управлению. Даже сам индивид не в состоя-

нии прогнозировать последствия своих собственных мыслей - настолько сложен и непредсказуем процесс индивидуальной переработки и интерпретации разнообразных информационных сигналов. Это, однако, не означает, что данный процесс вообще не поддается никакому воздействию. Очевидно, что его можно усиливать или ослаблять, изменяя интенсивность информационных потоков и масштабы информационного обмена.

В-третьих, личностный уровень инновационного процесса существует вне зависимости от конкретных типов хозяйственных систем (плановая, рыночная, смешанная экономика), хотя испытывает их воздействие и поставляет этим системам инновационный “материал”. В политико-экономическом плане процессы, происходящие на этом уровне, можно интерпретировать как условия формирования общественной и индивидуальной производительных сил. Такой подход вполне корреспондируется с марксистской трактовкой кооперативного эффекта, возникающего в процессе совместного труда и порождающего так называемую “новую”, “массовую”, “общественную” производительную силу¹. Правда, границы продуцирования инноваций в нашем случае гораздо шире границ совместного труда.

В-четвертых, схема инновационного процесса в корне отличается от обычного эмпирического, хронологического подхода к его структурированию. В нашем случае применен “принцип матрешки”, когда каждый последующий уровень вырастает из предыдущего. Причем сама уровневая последовательность носит синхронный характер в том смысле, что все эти структурные уровни существуют и функционируют одновременно, а отнюдь не как простая хронологическая последовательность “фаз”, “стадий”, “этапов”, - последовательность, разрывающая живую ткань инновационного процесса. Сами участники инновационного процесса - одни и те же на разных уровнях, но по мере перехода с одного уровня на другой они как бы “обрастают” экономическими и функционально-должностными “масками”.

Поступила в редакцию 06.11.2006 г.

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 337-340.